

Некоторые количественные оценки институциональных изменений: опыт исследования российского законодательства¹

В статье представлены статистически достоверные количественные данные о динамике законодательной практики современной России, характеризующие вектор институциональных изменений. На основе анализа сформированной авторами базы данных LAWSTREAM.RU, выложенной в открытом доступе по адресу <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>, получены параметры плотности институциональной среды и динамики модели институциональных изменений в 1994-2009 гг.

Ключевые слова: институциональные изменения; транзакционные издержки; российское законодательство.

The article represents statistically confident quantitative data concerning dynamics of legislative practice in modern Russia, which characterize a vector of institutional change. Relying on results of analysis of LAWSTREAM.RU data base, composed by the authors and available in free access on <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>, features of institutional environment density and parameters of institutional change model dynamics in 1994–2009 are received.

Keywords: institutional change; transaction costs; Russian legislation.

Коды классификатора JEL: K00, K41, B52.

Получение количественных оценок институциональных изменений является одной из сложных задач. Институциональная и неинституциональная теория чаще оперируют с логическими и вербальными моделями и качественными оценками. Что касается количественных оценок, то они зачастую представляют собой обобщенное мнение экспертов. Это справедливо и для российских исследований. Несмотря на ряд работ, в которых осуществлен эмпирический анализ отдельных институтов², общим местом является «недостаточность эмпирической базы институциональных исследований (Клейнер, 2004, с.9; Фролов, 2008, с. 69). Если в целом в экономической науке за последние десятилетия произошел «эмпирический поворот», что выражается в относительном и абсолютном увеличении числа прикладных работ в общем объеме публикаций ведущих экономических журналов (Либман, 2007, с.10), то в области анализа институциональных изменений, в том числе и в России, *эмпирико-статистических исследований* пока немного.

С целью восполнения отмеченного пробела авторами была разработана оригинальная база данных федеральных законов LAWSTREAM.RU³. База данных сформирована на основании синтеза информации из двух открытых источников – сайта Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (ФС РФ) и справочной правовой системы «КонсультантПлюс». В базе представлены характеристики федеральных (федеральных конституционных) законов, принятых в России с момента создания современных органов государственной власти –

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 06-06-80031 и РГНФ, грант 08-03-00006а

² Весьма полный обзор этих работ представлен в монографии Д.П.Фролова: Фролов, 2008.

³ На первых этапах значительную работу по формированию исходных таблиц 1994—2006 гг. выполнил И.Л.Кирилук, за что авторы выражают ему свою благодарность.

Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ – с 1994 по 2009 г. Работа с базой позволила получить ряд данных о динамике важнейшего сегмента российской институциональной системы на макроуровне и оценить вектор происходящих здесь изменений.

Институциональные изменения и законодательный процесс

Процесс институциональных изменений, следуя Д. Норту, можно понимать как изменение формальных и неформальных правил, норм и принуждений, составляющих институциональную среду общества. Каковы роль и соотношение формальных и неформальных правил в этом процессе? С одной стороны, как отмечает в своей фундаментальной работе Д. Норт, неформальные ограничения являются «продолжением, развитием и конкретизацией формальных правил и хорошо способны к выживанию благодаря тому, что составляют часть привычного поведения людей» (Норт, 1997, с. 108). При этом «неформальные ограничения меняются иными темпами, нежели формальные правила» (там же, с.113), и конкретизация в них установленных формально правил происходит дольше. Поэтому динамика неформальных ограничений, происходящая в более глубоких социальных слоях, гораздо более инерционна. С другой стороны, неформальные правила повседневной жизни, постепенно меняясь и шлифуясь в ходе постоянных социальных связей, подготавливают почву для последующих формальных изменений. Именно формальные правила призваны, таким образом, закреплять полезные рутины, доказавшие свою целесообразность. Кроме того, формальные правила легализуют необходимые процедуры, требующиеся для обеспечения развития и обновления социальных, экономических и политических отношений, поскольку формируют единую легитимную платформу взаимодействия всех участников.

Если принять во внимание такую диалектику соотношения формальных и неформальных ограничений, то можно согласиться с тем, что изменение формальных правил является «ведущим звеном» институционального развития. В них находит свое выражение наиболее динамичная и отчетливо просматриваемая часть инкрементного (Норт, 1997, с. 115) по своей природе процесса институциональных изменений. В связи с этим представляется вполне оправданным сконцентрироваться на анализе формальных правил при изучении процесса институциональных изменений, в том числе и в современной России.

Основу комплекса формальных правил того или иного общества образует, как известно, национальное законодательство. Это определяет закономерность сделанного в нашем исследовании выбора *законодательного процесса в качестве основного репрезентанта институциональных изменений*⁴. В данном случае авторы следуют общепринятому подходу. Так, например, классификации Мирового банка, разработанная для сопоставления прогресса в области институциональных изменений (в переходных экономиках), также на первое место ставит законодательство и институты в экономической сфере, наряду с приватизацией, состоянием банковского сектора и ролью правительства (см. «Развитие российского финансового рынка...», 2007).

Сферой формирования национального законодательства, отражающего процесс институциональных изменений, является деятельность высших органов представительной и исполнительной государственной власти. Именно они обладают правом законодательной инициативы и участвуют в процессе принятия законов.

Процесс динамики институциональной среды в ходе изменения национального законодательства рассматривается в исследовании как момент самоорганизации социально-экономической системы российского общества. Несмотря на очевидно субъективный характер создания формальных правил в ходе законотворческой

⁴ За пределами анализа в данном случае остается правоприменительная практика, в которой происходит апробирование и «живая жизнь» правовых норм. Этому необходимо посвящать специальные исследования (см., например, Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2004; Рожнов А.П. Конкретизация правовых норм как содержание юридической практики// Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 5: Политика, Социология. Право, Вып. 2, Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999 и др.)

деятельности социальных акторов⁵, достижение устойчивого консенсуса достигается преимущественно по тем вопросам, которые обеспечивают необходимые условия развития всей общественной системы в меняющихся внешнеэкономических и внешнеполитических условиях.

В отличие от содержательного анализа законотворческой практики, проводимого самими законодательными структурами⁶ или правоведами⁷, в данном исследовании речь идет о количественных характеристиках изменения как институциональной среды, так и модели институциональных изменений.

Институциональная среда как объект анализа.

В научной литературе выделяются два важнейших свойства институциональной среды. Во-первых, отмечается ее *иерархический характер*. Это означает, что институциональная среда, прежде всего ее формальная подсистема, характеризуется иерархической структурой. Так, Д. Норт пишет, что формальные правила «связаны друг с другом иерархическими зависимостями, где изменение каждого уровня иерархии требует больших затрат, чем изменение предыдущего уровня» (Норт, 1997, с.108).

Иерархический порядок взаимодействия формальных институтов определяется тем, что некоторые из них по своей сути являются более значимыми и крупными, другие представляют собой их составные части, конкретизирующие отдельные стороны явления или процесса, регулируемого формальными правилами более высокого уровня. С этой точки зрения наиболее важными в макроэкономическом и социальном отношении представляются изменения, которые фиксируются на высшем уровне законодательной деятельности.

Иерархия законодательства современной России схематически показана на рис. 1. Можно видеть, что соподчиненность формальных правил (правовых документов, принимаемых на каждом уровне) соответствует иерархии системы государственной власти в Российской Федерации.

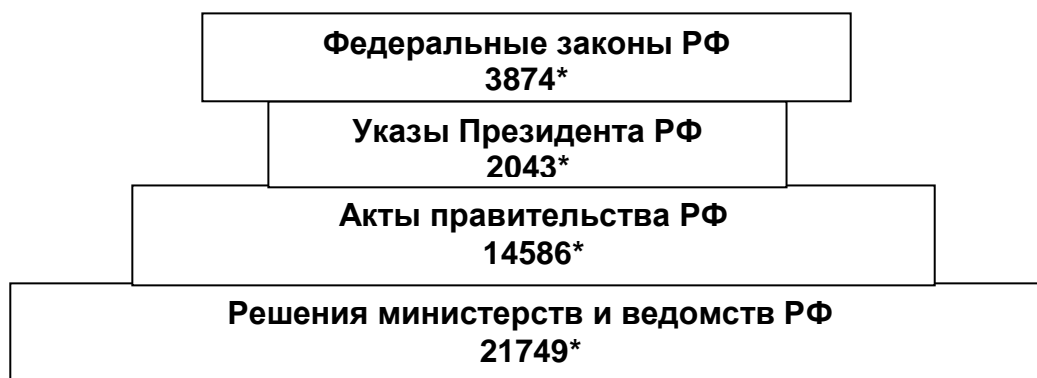


Рис. 1. Иерархия формальных правил (правовых документов) в современной России

* указано количество документов за период 1994—2009 гг.

⁵ Особенности и эффекты законотворческой деятельности политических субъектов обобщены в известной «теории общественного выбора», принесшей одному из своих создателей Дж. Бьюкенену нобелевскую премию, и особенно в работах Г. Таллока по «новой политической экономии» (Худокормов, 2009, с. 204),

⁶ С 2004 г. Совет Федерации Федерального собрания РФ регулярно публикует «Доклады о состоянии законодательства в Российской Федерации» для мониторинга правового обеспечения внутренней и внешней политики государства. Доклады выкладываются в открытый доступ в интернете. В этих объемных (более 2 Мб) документах отражаются базовые тенденции развития российского законодательства (www.council.gov.ru/print/lawmaking/report/2006/24/index.html)

⁷ Актуальные проблемы государственного строительства. Выпуск 2/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2002.

На «вершине пирамиды» находятся федеральные законы, принимаемые исключительно законодательным (представительным) органом государственной власти РФ (Федеральным Собранием) по предметам ведения РФ и ее субъектов. К ним также относятся законы, принятые непосредственно народом путем всероссийского референдума. Федеральные законы принимаются как в традиционной форме, так и в форме основных принципов регулирования, основ законодательства или кодекса. (Энциклопедический словарь "Конституционное право России", ст. 738). Это акты высшей юридической силы.

Историческая практика свидетельствует о том, что в нашем государстве правовые акты высшего уровня нечасто сопровождали принятие важнейших политических и экономических решений. Как в дореволюционную, так и в советскую эпохи количество законов, по сравнению с иными документами, прежде всего, указами, было невелико. Например, в советский период доминировали следующие формы законодательных актов. Во-первых, указы Президиума Верховного Совета, который активно продолжал принимать их вплоть до 1993 года. Во-вторых, важную роль играли постановления, принимаемые КПСС непосредственно или совместно с правительством и/или профсоюзами (Ремингтон, 2004, с. 28). Динамика общего количества принятых в СССР (России) законов представлена в табл. 1.

Таблица 1. Законотворчество российского парламента, 1937- 2009

Временной период	Количество принятых законов
Сталинский период, Ноябрь 1937 г. – март 1954 г.	120
Постсталинский период март 1954 г. – июнь 1966 г.	174
Период правления Горбачева, Верховный совет СССР июнь 1989 г. – июль 1991 г.	112
Верховный Совет РСФСР июнь 1990 г. – июль 1993 г.	222
Государственная Дума 1-го созыва январь 1994 г. – декабрь 1995 г.	464
Государственная дума 2-го созыва январь 1996 г. – декабрь 1999 г.	1036
Государственная дума 3-го созыва (2 года) январь 2000 г. – июнь 2003 г.	723
июль 2003 г. – декабрь 2003 г.	102
Государственная дума 4-го созыва Январь 2004 г. – декабрь 2007 г.	1076
Государственная Дума 5—го созыва январь 2008 г. – декабрь 2009 г.	743

Рассчитано по: Ремингтон, 2004, с. 32 (данные до 2003 г.); справочная правовая система «КонсультантПлюс» <http://base.consultant.ru> (данные за 2003-2009 гг.)

Можно видеть, как поразительно мало в СССР принималось законов, даже во времена так называемой «оттепели» - в 1960-х годах их количество составляло менее 15 законов ежегодно (для сравнения – в России в 2009 г. было принято 403 закона!).

На следующем уровне иерархии находятся указы президента Российской Федерации. Они включают решения нормативного и индивидуального характера, принимаемые главой Российского государства в пределах его компетенции по наиболее важным вопросам. При этом указы, восполняющие законодательные пробелы, действуют впредь до принятия соответствующих федеральных законов: предполагается, что принятие Президентом таких указов обязывает его в порядке законодательной

инициативы внести в Государственную Думу соответствующий проект закона (Энциклопедический словарь «Конституционное право России», ст. 717).

По поводу законодательной политики, включающей в себя как принятие законов в парламентах (в России — федеральных законов), так и указов высших органов исполнительной власти (в современной России речь идет об указах президента) в научной литературе выделяются две альтернативные позиции. В них парламентское законотворчество предстает своеобразной противоположностью президентским указам. Одна точка зрения состоит в том, что при прочих равных условиях законодательный путь проведения политических решений может обеспечить большую прозрачность процесса выработки политики, стабильность политических актов, способствует предотвращению частного интереса и злоупотреблений со стороны исполнительной власти. Согласно альтернативной точки зрения, законодательные процедуры приводят к более высоким распределительным издержкам при принятии политических решений, чем акты исполнительной власти, так как для сбора большинства голосов должно быть согласовано большее количество интересов (Ремингтон, 2004, с. 28). По-видимому, именно эти особенности указов определяют возрастание их роли в периоды политической нестабильности.

В постперестроечной истории России такой период сохранялся вплоть до 1997 года — косвенно об этом свидетельствует соотношение принятых в эти годы федеральных законов и указов. Статистика свидетельствует, что порой указов принималось больше, чем законов, и лишь с 1997 г. устойчиво наметилась противоположная тенденция (Табл. 2).

Таблица 2. Принятие основных видов правовых документов, 1994-2009

	Федеральные (федеральные конституционные) законы	Указы	Акты	Решения и постановлени я министерств и ведомств	Всего за год
1994	92	136	678	286	1192
1995	253	152	652	340	1397
1996	191	230	648	388	1457
1997	187	159	730	525	1601
1998	226	150	986	620	1982
1999	271	114	953	783	2121
2000	182	120	947	894	2143
2001	222	95	909	1055	2281
2002	226	83	1137	1153	2599
2003	191	74	1178	1364	2807
2004	226	101	830	1083	2240
2005	236	97	866	1586	2785
2006	295	77	922	2065	3359
2007	341	145	1115	2682	4283
2008	332	173	1072	2430	4007
2009	403	137	963	4495	5998
Итого за период	3874	2043	14586	21749	42252

Следующий уровень иерархии правовых решений составляют акты правительства Российской Федерации. Они представляют собой решения, принимаемые Правительством в пределах своих конституционных полномочий на основе и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ. Акты правительства РФ, имеющие нормативный характер (а также наиболее важные из ненормативных актов), издаются в форме постановлений, акты по оперативным и другим текущим вопросам - в форме распоряжений. Они не должны противоречить

законодательным актам, стоящим выше актов Правительства по иерархии системы законодательства: Конституции, федеральным конституционным законам, федеральным законам, указам Президента РФ (Энциклопедический словарь "Конституционное право России", ст. 017).

Наконец, законодательная институциональная среда формируется также решениями министерств и ведомств. Последние представляют собой правовые акты (приказы, инструкции и др.), принимаемые ими для реализации своих полномочий. Данные документы находятся ниже по уровню иерархии, чем акты правительства, а тем более указы президента и федеральные законы.

По данным таблицы можно видеть, что документы высшей юридической силы – федеральные и федеральные конституционные законы — составляют в среднем 9% от принимаемых в стране правовых актов. Их доля колебалась от 6 до 18% в отдельные годы. Полагаем, что значимость их относительной величины, как и абсолютная многочисленность федеральных законов — в среднем принималось 200—300 законов в год, — позволяет использовать статистику по «вершине законодательного айсберга» для анализа количественных изменений во всей законодательной институциональной среде. Понимание иерархического характера институциональной среды, в которой формальные правила верхнего уровня выступают основаниями для дальнейшей конкретизации отдельных процессов на нижних уровнях, также позволяет использовать динамическую информацию высшего уровня (т.е. федеральных законов) для оценки институциональных изменений в целом.

Другой важной характеристикой институциональной среды (помимо ее иерархического характера), является *плотность*, Показателем плотности, или институциональной насыщенности среды, может служить субъективное ощущение индивидами достаточной степени регулирования отношений в той сфере, где они осуществляют свою деятельность (Клейнер, 2004, с. 45; Василенко, 2008). В свою очередь, объективными показателями плотности институциональной среды служат количество необходимых формальных правил — в нашем случае законов, а также их структура. Количество законов косвенно свидетельствует о наличии необходимых процедур, регулирующих взаимодействия субъектов. Структура законов характеризует, в какой мере сферой правового и нормативного регулирования охватываются разнообразные стороны общественной деятельности — экономическая, политическая и т.д.

Применительно к России 1990-х гг. исследователи говорили об «институциональной недостаточности» (Тамбовцев, 1997), выражающейся в дефиците необходимых институтов, что провоцировало распространенность неформальных правил, выражающих, как правило, локальные интересы. Это связано с тем, что недостаточное развитие формальных (законодательно закрепленных) институтов способствует образованию неформальных норм и правил, которые «заполняют» институциональные пустоты, как правило, отражая интересы групп, имеющих сравнительное силовое преимущество. В подобных условиях регулирующая роль государства характеризуется структурной недостаточностью, ей присуща «институциональная слабость». Это означает, что государство не в состоянии контролировать свою территорию, гарантировать безопасность своим гражданам, поддерживать господство закона, обеспечивать права человека, эффективное управление, экономическое развитие и производство общественных благ.

Недостаточная плотность институциональной среды усиливает неполноту экономических и политических отношений. Каждая сторона, участвующая в своего рода экономическом или политическом контракте, трактует неурегулированные ситуации в своих интересах. Неформальные договоренности, достигнутые в условиях недостаточной доверительности, могут быть нарушены при изменении обстоятельств, меняющих распределение издержек и выгод между партнерами.

В свою очередь, достаточность формальных институтов в институциональной среде общества, ее плотность обеспечивает верховенство права, к основным критериям которого относятся: прозрачность, относительная стабильность, отсутствие обратной силы законов, открытость, ясность и универсальность законодательных правил и процедур, доступность и независимость функционирования судебной системы (Гельман,

2003, с. 6). Сказанное выше означает, что оптимальная плотность институциональной среды создает стабильные и предсказуемые социально-экономические условия деятельности социальных субъектов на всех уровнях общественной организации. Таким образом, плотность и стабильность институциональной среды являются ее взаимосвязанными характеристиками — более плотная среда является более стабильной, и наоборот.

Динамика плотности институциональной среды служит важным индикатором институциональных изменений, поэтому так необходимы ее количественные оценки. Общее количество принимаемых федеральных законов, также как их структура по сферам и направлениям деятельности могут послужить основой для определения вектора институциональной динамики. Получение этих оценок являлось одной из задач исследования.

Модель институциональных изменений как объект анализа .

Если показатели динамики институциональной среды рассматриваются в качестве первой группы индикаторов институциональных изменений, то другую группу образуют характеристики *модели институциональных изменений*. Получение количественных параметров действующей в России модели институциональных изменений также составляло одну из задач работы.

Формируемая федеральными законами институциональная среда образует, как в отношении институтов пишет В.В. Радаев, «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» (Радаев, 2001, с. 113). И хотя целенаправленные изменения формальных институтов как составной части институциональной среды, обычно в какой-то момент начинают сдерживаться вектором развития институциональной среды в целом (Вольчик, 2003, с. 126–134), не подлежит сомнению тот факт, что изменение плотности институциональной среды является результатом взаимодействия индивидов, объединенных в группы специальных интересов (Олсон, 1995). Группы интересов образуют основу модели институциональных изменений. В свою очередь, именно эффективность модели позволяет трансформировать институциональную среду в необходимом направлении оптимизации ее плотности.

Модель институциональных изменений в самом общем виде описана Д. Нортом. Причиной изменений служит ситуация, когда участникам экономической или политической деятельности (или группам, чьи интересы они выражают), становятся невыгодными условия действующего «социального контракта». Поэтому предпринимаются попытки пересмотреть его условия. «Но поскольку, — пишет Норт, — контракты включены в иерархическую систему правил, пересмотр условий невозможен без изменения иерархически более высокого набора правил (или нарушения некоторых норм поведения). В этом случае та сторона, которая стремится усилить свои переговорные позиции, возможно, захочет затратить ресурсы на изменение правил более высокого уровня» (Норт, 1997, с. 112) Если им удастся убедить всех остальных участников в изменении «правил более высокого уровня» и найдется компромисс, устраивающий большинство или наиболее влиятельные группы, то правила – в нашем случае федеральные законы как вершина институциональной иерархии - изменяются.

Другими словами, внесение законов, их направленность, сроки рассмотрения и принятия отражают изменение в соотношении сил различных групп участников политического и экономического процессов.

В нашем случае модель институциональных изменений применительно к сфере федерального законодательства представлена, во-первых, ее групповой структурой, и, во-вторых, параметрами транзакционных издержек. Охарактеризуем их подробнее.

Группы субъектов, участвующие в процессе обсуждения и принятия решений по всему диапазону законодательской деятельности, весьма многочисленны. Они включают в себя структуры как вне, так и внутри властных структур. Мы сконцентрировались на изучении субъектов принятия решений, находящихся в самой системе высших органов власти. Они также довольно разнообразны. Только внутри Федерального Собрания они включают фракции, комитеты, рабочие группы и согласительные комиссии. Именно эти институциональные средства Федерального Собрания позволили ему интенсивно

взаимодействовать с исполнительной властью при обсуждении законопроектов даже в те годы, когда существовала значительная политическая дистанция между исполнительной и законодательной властью, и еще в большей степени – при В.В. Путине (Ремингтон, 2004, с. 28) и следующем президенте Д.А. Медведеве.

В нашем исследовании групповая структура модели институциональных изменений в сфере федерального законодательства представлена социальными акторами, наделенными правом законодательной инициативы. К таковым относятся президент, правительство, депутаты федерального собрания, региональные и судебные органы государственной власти. Задача состояла в том, чтобы оценить роль каждого из них в формировании изучаемого сегмента институциональной среды, т.е. верховного законодательства, современного российского общества.

Трансакционные издержки в рассматриваемой субъектной модели институциональных изменений понимаются достаточно традиционно. Они представляют собой затраты согласований для принятия того или иного федерального закона — основного продукта деятельности выделенных субъектов в законодательной сфере. Издержки могут быть измерены количеством дней, затраченных для принятия закона.

Итак, цель исследования состояла в получении некоторых количественных параметров институциональных изменений в современной России. Исследования проводились на основе специально созданной базы данных LAWSTREAM.RU в формате Microsoft Access 2003. Для работы с базой использовался программный пакет, совместимый с Access2003. База данных содержит одну таблицу размерностью 3654 x 11 (3654 - количество включенных в базу законов, принятых за период 1994-2009 гг., без учета строки наименования полей; 11 - количество анализируемых атрибутов законов), а также 38 расчетных таблиц и графиков⁸. Более подробно методика исследования, ее возможности и ограничения изложены в: Кирдина, Рубинштейн, Толмачева (2009), с. 27-40.

Динамика институциональной среды: вектор изменений

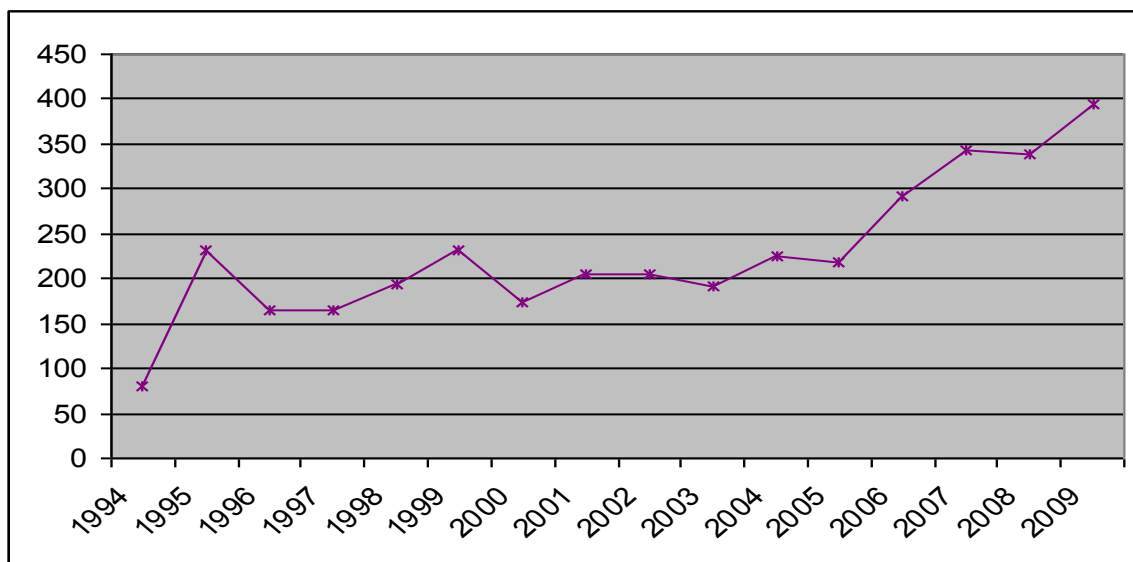
Для оценки плотности институциональной среды использованы данные о количестве законов, их структуре и сферах регулирования.

Общее количество федеральных законов, принятых за период 1994-2009 гг., составило 3874 (в базу LAWSTREAM.RU включены 3654⁹ из них). Погодовая динамика принятия законов представлена на рис. 2.

Рис. 2. Общее количество принятых законов по годам, 1994-2009 гг.

⁸ База данных LAWSTREAM.RU, расчетные таблицы и графики выложены в открытом доступе в Интернете по адресу <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>,

⁹ Причины, по которым не удалось представить в созданной базе всю совокупность принятых законов, изложены в: Кирдина, Рубинштейн, Толмачева, 2009, с. 35-39.43-44, см. также . <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>,



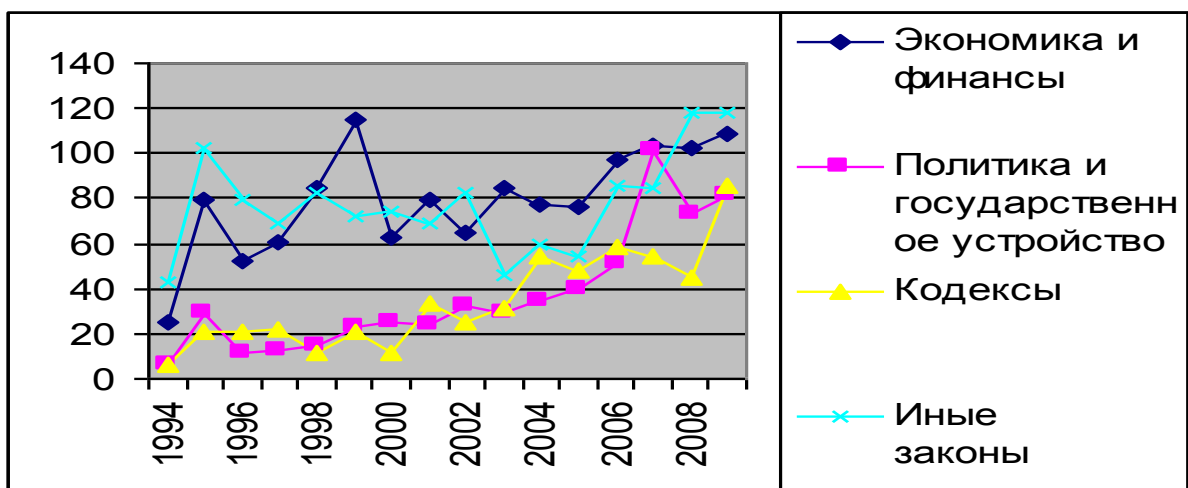
Выявленный монотонный рост числа принимаемых законов свидетельствует о продолжении долговременных тенденций *роста плотности* отечественной институциональной среды, в которой законы – высшие юридические установления, играют все более значительную роль. Федеральные законы были классифицированы по следующим сферам регулирования:

- Экономика и финансы
- Политика и государственное устройство
- Кодексы общего назначения
- Иные законы для регулирования прочих сфер деятельности¹⁰.

Количество законов, ежегодно принимаемых по каждой из выделенных сфер, представлено на рис. 3.

Рис. 3. Количество принятых законов по сферам регулирования, 1994-2009 гг.

¹⁰ Можно видеть, что использованная в исследовании классификация по своей структуре в общих чертах совпадает с классификацией, предложенной экспертами Отдела анализа законодательного процесса Государственной думы ФС РФ (Предварительные итоги выполнения....., 1998), которая выглядит следующим образом: **А** - законодательство по вопросам государственного устройства и политических прав граждан; **Б** - законодательство в экономической; **В** - финансовое, бюджетное, налоговое, банковское и таможенное законодательство; **Г** - законодательство по социальным вопросам; **Д** - законодательство по вопросам обороны и безопасности; **Е** - охранительное, процессуальное и исполнительное законодательство; **Ж** - международные отношения.



Если сравнить начало¹¹ (1995—1997) и конец (2007—2009) исследуемого периода, то можно заметить, что среднее количество принятых за год законов возросло примерно в 2 раза. Сопоставление количества принятых законов в разрезе отдельных сфер показывает, что тренды законодательной активности по сферам регулирования не полностью совпадают с общей закономерностью их динамики: темпы роста законов в выделенных сферах различались между собой.

Наиболее значительно к концу исследуемого периода возросло принятие законов в сфере политики и государственного устройства — за год их стали принимать почти в 5 раз больше — 85 в среднем за 2007-2009 гг. против 18 в среднем за 1995-1997 гг. (для сравнения - в экономической и финансовой сфере это соотношение составило 105 против 64). Выявленный рост темпа принятия политических законов по сравнению с экономическими к концу периода количественно подтверждает отмеченный специалистами — на качественном уровне — факт запаздывания российских политических реформ по сравнению с экономическими. Так, сравнивая, например, реформы России и Китая, китайские экономисты отмечают отсутствие согласованности экономических и политических преобразований на первых этапах российской реформы и выраженное смещение фокуса деятельности в сторону экономики. В перестроечной России - после демонтажа основных экономических и политических структур — именно экономические реформы выдвигались на первый план, рассматривались как основное средство решения всего комплекса социальных проблем. Анализ законодательства подтверждает это количественными данными - в середине 1990-х гг. на 1 «политический закон» приходилось почти 4 «экономических». Практика показала, что в условиях недостаточности политической и идеологической поддержки был затруднен ход самой экономической реформы, что углубляло социальную аномию. В связи с этим китайские ученые Ши Цзэшен и Лян Лэй такое важное значение придавали осуществленной президентом России В.В. Путиным в 2000 г. политике упорядочивания отношений между федеральным и местными органами власти, указывая на эти и последующие политические реформы как на «необходимое условие успешных стратегических преобразований» (цит. по Салицкий, 2007а). Можно предположить, что именно отмеченная потребность ускоренными темпами проводить реформы в политической сфере нашла свое количественное выражение в ускорении темпов соответствующих законов к концу первого десятилетия 21 века.

Также более высокими темпами, по сравнению со средним уровнем, возрастало принятие (и уточнение) кодексов общего назначения — в 2007-2009 гг. их стали принимать в год почти в четыре раза больше, чем в 1995-1997 гг., то есть примерно по 62 вместо 18. Это тенденция означает рост унификации институциональных правил и переключение законодательной активности на принятие документов долговременного и

¹¹ Расчет начат с 1995 года, так как 1994 год был неполным.

общего действия. Именно наличие кодексов во всех сферах хозяйственной и социальной жизни (арбитражного, лесного, градостроительного, процессуального и т.д.) обеспечивает необходимую плотность институциональной среды и заполняет накопившиеся лакуны законодательного регулирования.

О векторе институциональных изменений позволяет судить не только динамика плотности институциональной среды, но также соотношение новых законов и законов, вносящих поправки¹² в действующие законы. График на рис. 4 показывает общую тенденцию уменьшения доли новых законов общем числе принимаемых законов. Если в 1994 г. все вносимые законы были новыми, то в 2009 г. доля новых законов среди принятых сократилась до 29%.

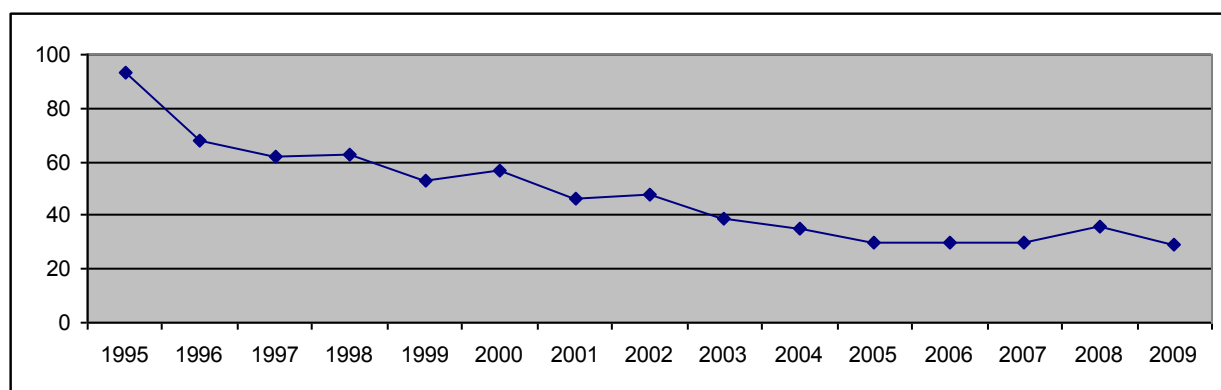


Рис. 4. Динамика доли новых законов в общем числе принятых законов, 1994-2009

Долговременный процесс сокращения доли новых законов в общем числе принятых характерен для всех сфер регулирования. В то же время коррекция законодательства происходит чаще в отношении кодексов – документов более долгого срока действия. Это видно по наименьшей доле новых законов в сфере принятия кодексов (доминируют поправки). Действительно, как правило, доля новых законов в отношении кодексов была стабильно ниже средней по всему законодательству.

В целом можно сделать вывод о достижения некоторого порогового уровня плотности и стабилизации институциональной среды, поскольку основное внимание чаще направляется на совершенствование законодательства, чем на принятие новых законодательных форм. Видимо, относительно сокращается сфера социальных процессов, требующих первичного внимания законодателя. С другой стороны, высокая доля поправок может характеризовать тот факт, что законы принимаются недостаточно продуманно и приходится их постоянно подправлять¹³. Нам неизвестны нормативы, стандарты или зарубежные данные для того, чтобы можно было сделать более аргументированные оценки данного явления. Но цифры, тем не менее, позволяют зафиксировать определенную «рутинизацию» законодательного процесса.

Итак, получены первые количественные оценки плотности институциональной среды и скорости ее изменения. Являются ли они оптимальными, насколько соответствуют потребностям общества, как соотносятся с принятыми международными стандартами – ответ на эти вопросы требует дальнейших исследований. Авторы полагают, что полученные количественные параметры создают для проведения такого рода работы необходимую эмпирическую основу.

¹² Поправки включают в себя законы со следующими формулировками: «О внесении изменений в федеральный закон...», «О внесении дополнений в статью...» ит.п.,

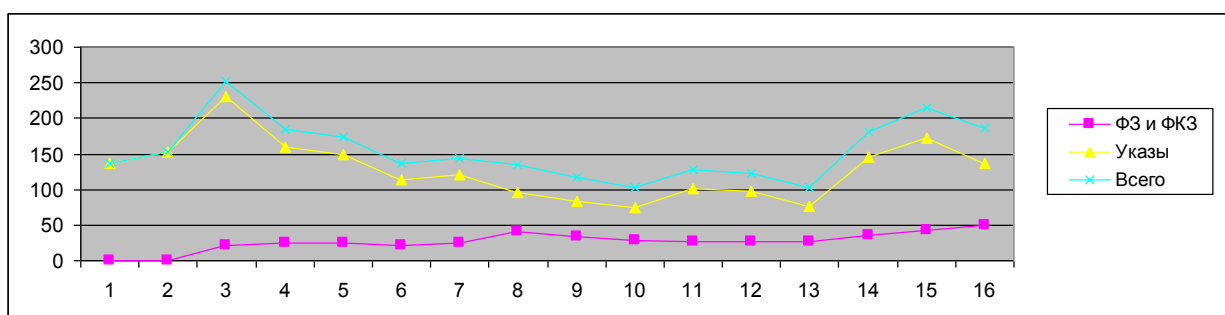
¹³ Так, В.А. Богдановская определяет законодательные поправки как «работу над ошибками», которую депутаты вынуждены делать для улучшения качества уже принятых законов (Богдановская, 2009, с. 453).

Динамика модели институциональных изменений и транзакционных издержек

В сфере федерального законодательства субъектная модель институциональных изменений представлена, напомним, групповой структурой социальных акторов, наделенных правом законодательной инициативы, и параметрами транзакционных издержек.

Таковыми акторами, как выше отмечалось, являются президент, правительство, депутаты федерального собрания, региональные и судебные органы государственной власти. Наша задача состояла в том, чтобы оценить роль каждого из них в формировании законодательной институциональной среды путем инициирования соответствующих законов.

Сначала рассмотрим изменение вектора законодательной активности президента Российской Федерации. Рисунок 5 показывает соотношение принятых законов, внесенных президентом, и президентских указов.



ФЗ и ФКЗ – федеральные законы и федеральные конституционные законы, принятые по инициативе президента

Рисунок 5. Количество принятых законов, внесенных президентом РФ, и президентских указов

Как показывает график, количество президентских указов с конца 1990-х годов последовательно уменьшалось – их число резко возросло лишь в 2007-2009 гг. В отношении президентских законов тенденция противоположна – их количество год от года не уменьшается, а растет.

Анализ содержания законов и указов показывает основное различие их компетенции. Указы, как правило, касаются реструктуризации стратегических (в том числе силовых) министерств и ведомств, охраны государственных интересов, кадровых решений верхнего уровня власти. Другую группу вопросов образуют историко-патриотические и специальные социальные решения (вроде обеспечения жильем ветеранов, награждений спортсменов и др.). В указах, как правило, не принимались решения по поводу политического и государственного устройства, а также текущей хозяйственной практики. Но, начиная с 2007 г., ситуация изменилась. Поворот тренда числа президентских указов (от уменьшения к росту) отражает не только рост законотворческой активности президента Д.А. Медведева, но связан с дополнительной направленностью указов на решение конкретных экономических вопросов, вплоть до уровня отдельных предприятий (перечень тем президентских указов в 2007-2008 гг. см. в: Кирдина, Рубинштейн, Толмачева, Приложение 6).

Количественные оценки свидетельствуют о том, что президент не только сам чаще выходит с законодательной инициативой, но и работает в большем контакте с депутатами Федерального собрания. Если в 1994-1999 гг. лишь три четверти из принятых Государственной Думой законов были подписаны президентом, то уже с 2000 г., в

частности, за годы президентства В.В. Путина – почти 93%.¹⁴ Исследователи отмечают также, что в последние годы президент и правительство концентрируют свои нормотворческие усилия не столько на принятии указов и постановлений, сколько на разработке и прохождении в парламенте важнейших законопроектов (Ремингтон, 2004, с. 34), что выражается в отмеченном выше постоянном росте общего числа законов, принимаемых депутатами Федерального собрания РФ.

Сравнительная роль основных инициаторов законодательства представлена на рис. 6. Здесь отражено количество всех законов, включая изменения и поправки, предложенных инициаторами в течение исследуемого периода.

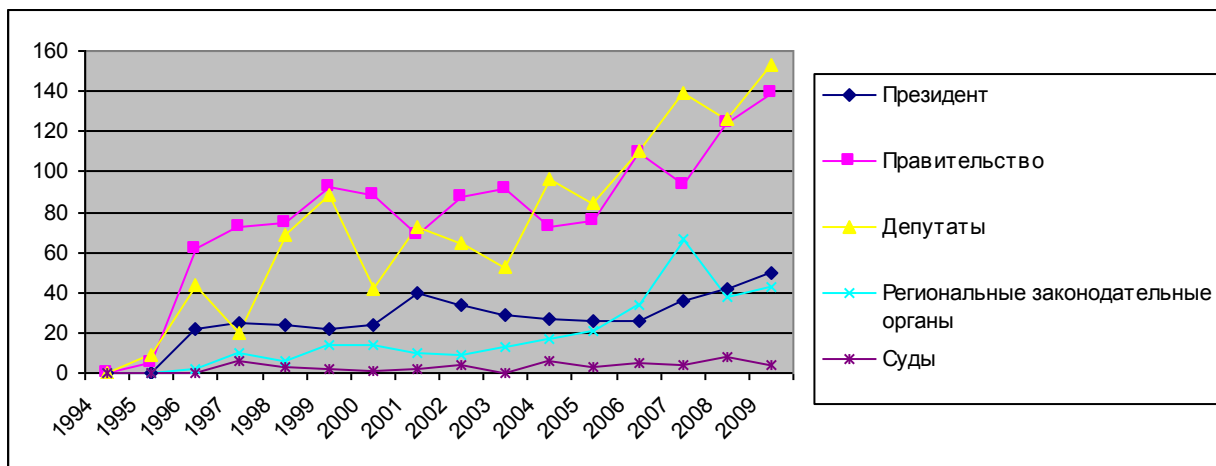


Рисунок 6. Распределение принятых федеральных законов по инициаторам внесения, целые числа, 1994 – 2009, по дате окончательного принятия закона

Можно видеть, что чаще других с инициативой внесения или корректировки федеральных законов выходило правительство РФ – за эти годы это было 1256 раз. Почти столько же законов внесли депутаты федерального собрания, для которых законотворческая деятельность является одной из основных – они инициировали 1171 закон. На третьем месте – президент РФ, внесший в парламент 427 законопроектов, которые были приняты за эти годы. По инициативе региональных законодательных органов было принято 298 законов. Реже всех инициировали принятие федеральных законов суды – всего 48 закона за 15 последних лет.

Анализ динамики показывает, что за время работы Государственной думы ФС ее депутаты стали наиболее активными в инициировании законов. Если с начала работы Госдумы они по количеству законопроектов заметно уступали правительству, то, начиная с 2004 г. они вносят больше всех законов, которые затем принимаются. В последние три года также возросла активность региональных субъектов. По сравнению с серединой 1990-х годов этот рост составил почти 5 раз – самые высокие темпы роста по сравнению с другими участниками законодательного процесса.

Отличаются участники и «инновационностью» вносимых законодательных инициатив. Графики на рисунке 7 позволяют косвенно соотнести рутинную и инновационную функции различных субъектов законотворческой деятельности через долю новых законов, инициированных ими. Очевидно, что поправки к законам также носят новаторский характер, изменяя их содержание. В то же время принятие принципиально нового закона в большей мере отражает существенные изменения «правил игры», поскольку в них речь идет о новых явлениях, становящихся объектами законодательного регулирования и формирующих новую будущую рутину.

¹⁴ В отдельные годы, например, в 2002 г., число законов, одобренных Советом Федерации, но по которым впоследствии не были преодолены разногласия с Президентом Российской Федерации, было выше и доходило до 13% (Актуальные проблемы государственного строительства..., 2002).

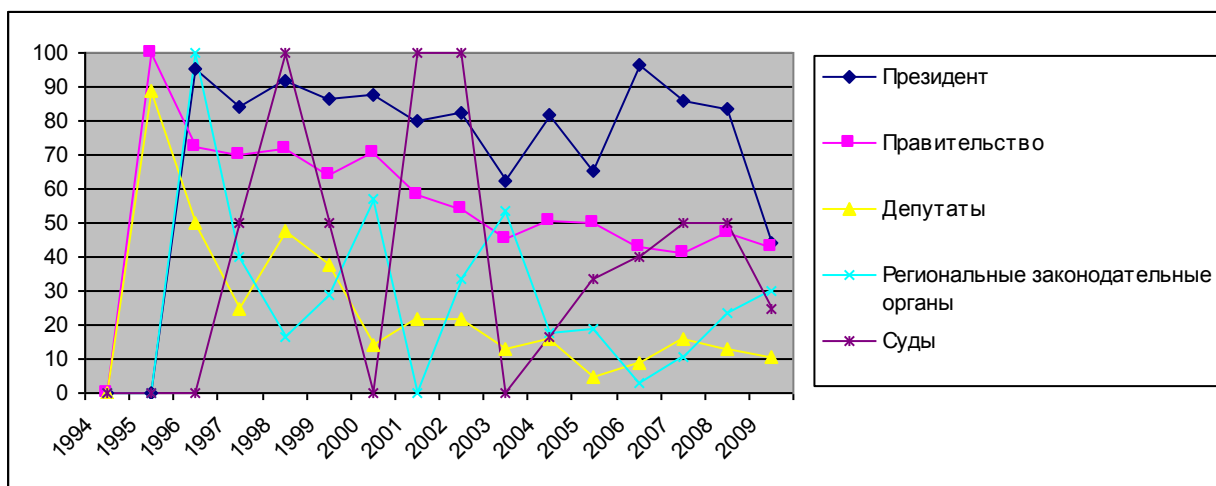


Рисунок 7. Доля новых федеральных законов в общем числе принятых законов и поправок, по инициаторам внесения, %, по дате принятия закона

На графике наглядно видно, что наиболее часто с инициативой принятия новых законов выступает президент России - среди внесенных им за этот период законопроектов 78% являются принципиально новыми законами. Еще в первых президентских посланиях (2000-2002 гг.) В.В. Путин, как отметили аналитики (Ремингтон, 2005, С. 23), особое внимание обращал на необходимость принятия новых законов в обеспечение фундаментальности идущих экономических и политических реформ. Президент Д.А. Медведев также поддержал эту тенденцию. Законотворческая президентская деятельность отражает следование этому требованию. Также относительно высока доля новых законов среди инициатив правительства и судов – более половины (54,3% в среднем за период 1995-2009 гг.).

Что касается депутатов Государственной Думы, то они в первую очередь заняты своей основной работой по развитию и совершенствованию законодательства - в структуре поданных ими законодательных инициатив большинство касаются уточнения и внесения изменений в уже действующие законы (доля новых законов составляет в среднем за 1995-2009 гг. лишь 19% от всех «депутатских» законов). Для региональных субъектов этот показатель также не высок и находится на уровне 21,5%.

Сформированная база данных LAWSTREAM позволяет также оценить сроки прохождения законов по стадиям законодательного процесса, и сопоставить их динамику. Зарубежные исследователи отмечают, что Россия в «посткоммунистической фазе», когда в ней, подобно другим странам, «авторитарный режим был заменен президентализмом и слабой, раздробленной партийной системой», столкнулась с проблемой обеспечения эффективного сотрудничества между президентом и парламентом (Shugart, 1999). Наша база данных дает возможность выявить количественные параметры, характеризующие уровень данного взаимодействия. Он определяется сравнением сроков прохождения через Государственную Думу законов, вносимых различными субъектами законотворческой деятельности. Количество дней, затрачиваемых в процессе принятия закона, характеризует транзакционные издержки в модели институциональных изменений. В нашем случае они представляют собой затраты согласований для принятия того или иного федерального закона — одного из основных продуктов деятельности выделенных субъектов.

В исследовании использованы два метода оценки сроков принятия законов. Во-первых, в зависимости от года внесения закона («длина очереди»), во-вторых, в зависимости от года принятия закона («скорость рассмотрения»).

График на рис. 8 показывает средний срок прохождения законопроекта в Госдуме – «длинну очереди» - по году внесения законов: наглядно видно, сколько дней «в очереди» ждали своего утверждения законопроекты, внесенные в том или ином году. Так, в 1994 г. внесенные (и принятые рано или поздно) законы ждали своего принятия в

среднем 661 день, в 1995 – 520 дней и т.д. За период наблюдений «длина очереди» сократилась до 94 дней, то есть в 7 раз за 15 лет.

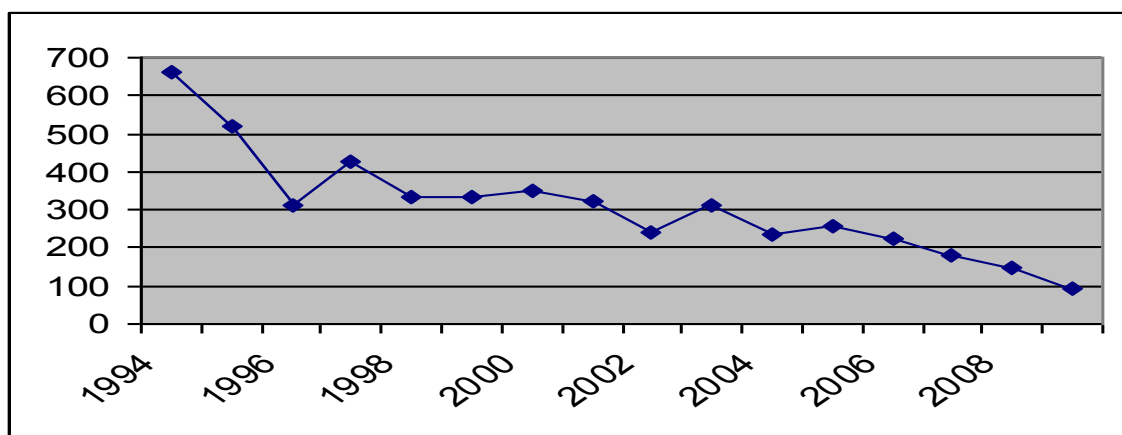


Рис. 8. «Длина очереди» принятия закона в Государственной Думе, дней

Наиболее существенное снижение отмечается в отношении законов, внесенных президентом – всего 63 дня дожидались утверждения его законопроекты, внесенные в Государственную Думу в 2009 г. (табл. 3). Отметим, что в 1994-1995 гг. законы, внесенные президентом (в то время им был Б.Н.Ельцин), ждали своего утверждения дольше других - они в разы превосходили средние сроки прохождения законов в Государственной Думе.

Таблица 3. Средний срок прохождения закона от внесения в ГД до принятия ГД (по году внесения в ГД, или «длина очереди»), дней

Год	В среднем за год	Президент	Правительство	Депутаты	РЗО	Суды
1994	661	1866	601	382	0	0
1995	520	696	487	443	656	754
1996	313	376	221	423	301	381
1997	429	303	461	462	379	433
1998	331	479	291	341	273	229
1999	331	302	301	344	465	473
2000	350	250	218	402	734	517
2001	304	155	251	404	522	310
2002	239	148	205	284	488	1107
2003	300	116	256	368	516	501
2004	220	121	144	220	486	166
2005	248	72	207	278	437	237
2006	206	113	167	231	261	403
2007	151	90	123	162	212	280
2008	87	62	84	84	173	156
2009	94	63	91	106	134	142
В среднем за период	262	203	231	285	365	372

Законопроекты правительства и депутатов федерального собрания в 2009 г. ждали своего утверждения в среднем 91-106 дней. Однако «длина очереди» для законов, инициированных региональными субъектами, а также судами, продолжает оставаться высокой - 4-5 месяцев, что гораздо выше среднего уровня.

Хотя погодная динамика выявляет общую тенденцию сокращения «длины очереди» для всех законопроектов, независимо от инициатора, темпы ее сокращения

различались. Если для президентских законопроектов снижение составило более 10 раз, то для законов региональных субъектов – чуть более 3.

Менее очевидные тенденции наблюдаются в «**скорости принятия**» законов в Государственной Думе (Табл. 4). Таблица рассчитывает средние сроки прохождения закона в Государственной Думе, исходя из *года принятия закона*. Полученная величина означает, сколько времени уходило в среднем на рассмотрение законопроектов в Государственной Думе в том или ином году, с момента внесения до принятия в качестве закона после трех чтений. Так, по 1994 г. нет данных, так как ни один из 21 законопроектов, внесенных на рассмотрение в только что образованную Государственную Думу, не был ею в том же году принят. В 1995 г. средний срок прохождения законов (внесенных как в прошлом, так и нынешнем году), составил 257 дней. В 1996 г. средний срок прохождения закона, независимо от времени его внесения, составлял 160 дней, и т.д.

Таблица 4. Средний срок прохождения закона от внесения в ГД до принятия ГД (по году принятия, или «скорость принятия» в ГД), дней

Год	В среднем за год	Президент	Правительство	Депутаты	РЗО	Суды
1994	0	0	0	0	0	0
1995	257	0	227	273	0	0
1996	160	148	159	155	312	0
1997	242	181	205	344	236	389
1998	283	231	249	323	433	189
1999	279	237	220	371	212	323
2000	331	300	312	305	534	473
2001	405	509	344	382	544	362
2002	300	245	214	396	461	792
2003	305	217	284	325	540	0
2004	306	210	295	321	441	249
2005	289	176	372	220	355	646
2006	241	55	186	230	566	321
2007	210	125	172	227	275	195
2008	218	101	154	292	274	388
2009	209	83	191	238	307	236
В среднем за период	262	203	231	286	365	372

Можно видеть, что средние сроки рассмотрения законов то увеличивались, то уменьшались. Наглядно видно, как периодически происходило своеобразное «затоваривание» - и тогда срок рассмотрения законопроектов удлинялся. Такая «аритмия» характеризует период 1995-2002 гг., когда средние сроки менялись от 160 до 405 дней. Но, начиная 2003 г. сроки прохождения законов стабильно сокращаются, что свидетельствует о росте ритмичности в работе Государственной Думы.

В отношении инициаторов внесения справедливы отмеченные выше закономерности – «скорость принятия» законопроектов президента является самой высокой, и составляла в 2009 г. 83 дня. Для правительственных законов она составила 191 день. Все остальные законы проходили медленнее – 307 дней для законов региональных субъектов, 236-238 дней для законов от судебных органов и думских депутатов, и дольше других рассматривались законы, внесенные региональными законодательными органами – 307 дней. Это означает, что к 2009 г. их скопилось достаточно много за предыдущие годы: то ли по причинам более низкого уровня готовности, то ли из-за более слабого лоббирования, по сравнению с представленными в столице центральными структурами.

В исследовании также была проведена оценка зависимости сроков согласования законов от сферы, которую они призваны регулировать. Полученные данные

свидетельствуют, что различия между сроками принятия законов в зависимости от сферы регулирования отличаются не так значительно, как в зависимости от инициаторов внесения. Наиболее выражена тенденция уменьшения сроков рассмотрения в отношении законов в сфере «Экономика и финансы». Они и принимаются нынче быстрее – в среднем за 68 дней, и динамика сокращения сроков принятия также самая значительная – по сравнению с 1994-1995 гг. она изменилась почти в 8 раз. Для сравнения – по кодексам изменение составило чуть больше 3 раз, по прочим и политическим законам – примерно в 4 раза.

Заключение

В ходе исследования получены следующие количественные параметры изменений в законодательной институциональной сфере российского общества за период 1994-2009 гг.:

— плотность институциональной среды постоянно увеличивается, поскольку количество принимаемых законов год от года возрастает, тем самым все больше норм и правил становятся формализованными и приобретают легитимный характер;

— существенно возросло принятие кодексов общего назначения (почти в 4 раза в среднегодовом исчислении) по сравнению с другими федеральными законами. Это также свидетельствует об упрочении и уплотнении институциональной среды, поскольку именно кодексы формируют остов институциональной правовой среды и являются долговременными и необходимыми «рамочными» регуляторами социальных взаимоотношений;

— рост плотности институциональной среды происходил неравномерно: в середине 1990-х гг. преобладали законы в экономической сфере, к концу исследуемого периода (2006-2009 гг.) стал возрастать удельный вес законов в политической сфере. В результате среднегодовое число «политических» законов за последние 15 лет возросло в 4 раза, в то время как «экономических» — в полтора раза. Полученные данные количественно подтверждают вывод о запаздывании политического реформирования институциональной среды в постперестроечной России, сформулированный ранее рядом исследователей на качественном уровне;

— основное внимание законодателей в экономической сфере направлено на регулирование деятельности конкретных отраслей – около 70% всех законов в этой сфере; но в начале периода – с середины до конца 1990-х гг. - доминировали законы, направленные на создание новых структур и видов экономических отношений: по количеству они занимали тогда 1—2 место среди всех «экономических» законов;

— в политической сфере основным объектом законодательного регулирования является правоохранительная система — ей посвящено 40% принятых законов в этой сфере. Причем в конце периода здесь принималось в 10 (!) раз законов больше, чем в начале периода. Такая динамика косвенно свидетельствует об отставании реформ правоохранительной системы, что спровоцировало поток принятия «догоняющих» законов в последние 3-4 года;

— вектор институциональных изменений демонстрирует возросшую стабильность в институциональной среде, что выражается в снижении доли новых законов по сравнению с принятием поправок и дополнений в уже действующее законодательство. За 15 лет доля новых законов существенно уменьшилась в несколько раз и составляет в последние годы лишь 29% всех принимаемых законов;

— институциональные изменения в разных сферах иницируются различными субъектами, обладающими правом законодательной инициативы. Имеет место определенное «разделение труда» в этой деятельности. Так, экономические законы иницируются в основном правительством и депутатами Госдумы (на их долю приходится почти 90% соответствующих законов), а политические законы на три четверти предлагаются депутатами федерального и региональных собраний;

— за 15 лет роль анализируемых субъектов институциональных изменений изменилась: если в середине 1990-х гг. основным инициатором вносимых законопроектов выступало правительство, то с 2004 г. здесь доминируют депутаты, освоившие, наконец, выполнение своей основной рабочей функции. По сравнению с началом периода возросла также роль региональных законодательных органов — инициированное ими в среднем за год число законов увеличилось в 5 раз.

— постоянно возрастает роль и значение президента как субъекта институциональных изменений в законодательном поле, о чем свидетельствуют три количественно выраженные тенденции. Во-первых, перенесение «центра тяжести» его нормотворческой деятельности с президентских указов на федеральные законы, требующие уже не единоличного решения, но согласования в парламенте. Во-вторых, президент концентрируется на решениях, требующих первичного внимания законодателя, то есть на новых законах, а не поправках в действующее законодательство. Так, среди внесенных им законопроектов за весь период доля новых законов составила почти 80%, что более чем в два раза выше среднего уровня. В-третьих, законы, вносимые президентом РФ в Государственную Думу, в настоящее время утверждаются быстрее других — в среднем 63 дня в 2009 г. (для сравнения — в 1994 г. законы, внесенные в Госдуму первым президентом РФ Б.Н. Ельциным ждали своего утверждения 1866 (!) дней;

— в целом наблюдается положительная динамика институциональных транзакционных издержек в законодательном процессе, выраженная показателем среднего срока прохождения и принятия закона. Если законы, внесенные в 1994 г., находились в «очереди на принятие» в среднем почти 2 года (661 день), то к 2009 г. это ожидание сократилось до 94 дней;

— также с 2003 г. постепенно растет «скорость принятия» законов в высших органах законодательной власти, повышается ритмичность их работы. Это данные количественно подтверждают гипотезу о том, что достигается консенсус между основными экономическими и политическими игроками и снижаются транзакционные издержки согласования решений на высшем уровне иерархии формальных институтов.

В заключение заметим, что получение новых знаний — это результат не только творческих прозрений, но и монотонной тяжелой работы по аналитическому «вспахиванию» поля фактов. И здесь очень важно использовать числа как «тяжелый подъяремный скот/ Потому что все оттенки смысла/ Умное число передает»¹⁵. На наш взгляд, представленные в базе LAWSREAM.RU численные показатели некоторых институциональных изменений в современной России достаточно убедительно передают их смысл и направление.

Литература

Актуальные проблемы государственного строительства. Выпуск 2/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2002. -№ 34 (190).

Богдановская В.А. Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики в России. / Международная научно-практическая конференция. 19-21 января 2009 г. Сборник материалов. Казань: Изд-во НПК «РОСТ», 2009.

Вэб-сайт «Бюджетная система Российской Федерации» <http://www.budgetrf.ru/index.htm>

Василенко Н.В. Институциональная среда организаций: характеристики и уровни регулирования // Проблемы современной экономики, №3(27), 2008.

Вольчик В.В. Институционализм: вторичность нового мифа? (возможности и пределы институциональной экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т.1. № 1.

Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. – 2003. – № 4.

Гумилев Н. Слово, 1921. Цит. по: Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.

¹⁵ Гумилев, 1921

- Евтушенко. Минск- Москва: Полифакт, 1995.
- Кирдина С.Г., Рубинштейн А.Я., Толмачева И.В. База данных LAWSTREAM.RU: количественные оценки институциональных изменений. Москва: ИЭ РАН, 2009.
- Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004.
- Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад). М: Институт экономики РАН, 2007.
- Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – М., 1995.
- Предварительные итоги выполнения примерной программы законопроектной работы в период осенней сессии 1998 года (по состоянию на 22 декабря 1998 года) http://www.garant.ru/files/duma_htm/analit/1998/os98/00-01.htm
- Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Том IV. – № 3.
- Развитие российского финансового рынка и новые инструменты привлечения инвестиций. / - Р. Энтов, А. Радыгин, В. Мау и др., М: Институт экономики переходного периода, 2007.
- Ремингтон Т. Демократизация, разделение властей и объем государственных полномочий в России // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 4(49), 2004.
- Ремингтон Т. Поддержка Президента в российской Государственной Думе // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 3 (52), 2005.
- Ремингтон Т. Суверенитет, конституциональная демократия и плюрализм // Сравнительное Конституционное Обозрение № 2 (63), 2008.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н.Нестеренко. Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера М: Фонд экономической книги "Начала", 1997.
- Салицкий А. Китайские оценки «перестройки» и пост-советских реформ: справедливые упреки. 04.08.2007а http://www.kpnews.com/kyiv_article14_69.html
- Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики, 1997, № 3.
- Фролов Д.П. Эволюционная перспектива институциональной экономики России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
- Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. М: ИНФРА-М, 2009.
- Энциклопедический словарь «Конституционное право России» <http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-738.htm>)
<http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-717.htm>)
<http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-017.htm>
- Shugart M. Presidentialism, Parliamentarism, and the Provision of Collective Goods Less-Developed Countries || Constitutional Political Economy. Vol. 10.1999.No.1.P.53-88.